

Было дело под Полтавой

Первым, кого я встретил, ступив на поле Полтавской битвы, был священник. Мысль мгновенно мелькнула: как хорошо в таком святом месте первым делом получить благословение, и рванулся к нему, привычно складывая ладони. И тут же меня отшатнуло – а вдруг он филаретовец. Но уже и батюшка делал шаг навстречу. Все-таки я спросил:

– Благословите, батюшка. А, вынужден спросить, какой вы юрисдикции?

– Той, что надо, – отвечал он, крестя меня и приветливо улыбаясь.

Надо ли говорить, что украинский раскол, начатый митрополитом Филаретом, явление не только религиозное, но и нравственное и даже политическое. Не будь его, разве б мыслимы были такие щиты с портретом изменника и надписями на них: «Мазепа – перемога української держави»? А плакаты были размером, как щиты с рекламой пива.

Жовто-блакитные знамена подавляли все остальные. На втором месте были шведские, на третьем российское трехцветие. Жупаны и папахи, длинные усы и лихие оселедцы, красные просторные шаровары, сапоги гармошкой, – все раньше, казалось бы, каким-то костюмированным праздником. В общем-то это и был праздник, и великий праздник – 300-летие Полтавской битвы, но сразу было понятно, что хозяева незалежной, незаможней, самостийной, щирої України присвоили его полностью себе. Да, еще поделились со шведами, которых тут тогда побили, а сейчас они были тут дуже желанными. Сегодняшняя Украина присвоила себе не только территории Российской империи, но и ее прошлое. Героическая битва, которая спасла Россию, сейчас от России была насильственно отторгнута. Теперь получалось, что она не в России произошла, а за границей. Дюжие парубки, конечно, были ряжеными, но были не актерами тут, а заправилами. Они тут были хозяева. Нас, российскую делегацию, не то, чтобы зажимали, нет, ставили в первые ряды, но как-то постоянно давали почувствовать, что мы здесь гости. Но хлеб-соль была так хороша, так красивы дивчины в венках, лентах и монистах, что это перебарывало горечь. Гремела бравая музыка, но почему-то эстрадная, а не марш Преображенского полка. Который напоминал бы о погибших здесь русских воинах.

Все теперь умные, и некому сказать, что нет уже никакого толку от перемывания истлевших царских костей, особенно Петра 1-го. Все власти черно-белые. То есть полный злодей – это сам сатана, а прислужникам своим он даёт возможность для обольщения людей свершать еще и добрые дела. Ирод избил младенцев и течёт доселе водопровод Ирода, тот же Мазепа и храмы строил. Взять и Берию – о беспризорниках заботился. Все это, к слову. Петр – явление, как и Сталин, промыслительное и не нам, земнородным, понять их всецело. Достаточно сказать: «Бог всем судья».

Так вот, Полтавская битва – может быть, да и не может быть, а точно – главное свершение Петра. Здесь уместнее прибегнуть к цитатам из работ, вышедших в свое время к 200-летию Полтавской битвы. Победа в ней

покончила с хозяином Европы Карлом 12-м, переменяла западный взгляд на нас, русских.

Далее выписка из книги «Храм во имя Сампсония Странноприимца на поле Полтавской битвы», издание 1895 г. Полтава: «Все теперь должны были переменить свой взгляд на «варварскую Московию», на ее царя гордые соседи стали смотреть с почтением, дорожили его дружбой, и не смели оскорблять русского флага, который стал развеваться на водах Балтийских... Народ стал доверчивее относиться к своему Государю, примирился со всем, что раньше казалось ему тягостным, и уже безропотно смотрел на внутреннее преобразование, видя в нем причину недавней славы и необходимое условие будущего величия. Не забудем, наконец, и еще одного весьма важного последствия бранного дела под Полтавой. Ведь всего полвека прошло с тех пор, как Богдан Хмельницкий вырвал многострадальную Малороссию из рук Польши и присоединил ее к единой Москве. Значит, не успела еще Польша забыть этой потери и поджидала только удобного случая, чтобы возратить утерянное. Проиграй мы сражение под Полтавой, тогда бы не отстоять юго-западной России своей независимости, и воротились бы к ней те страшные времена унии, когда святые места наши отдавались в аренду жидам, и храмы православные запечатывались, и имения церковные отбирались в пользу католического духовенства и прочее. Теперь же Польша не смела спорить с Петром, обессиленная еще раньше теми же шведами, она навсегда похоронила свои надежды на Малороссию... Полтавская победа принесла нам великие блага: она сразу и, даст Бог, навсегда сделала Россию могущественнейшим государством мира, государством единым и нераздельным. Недаром благодарные потомки назвали эту победу Русским Воскресением».

И я, благодарный потомок, шел по полю битвы, оглушался орущими динамиками, бодрыми криками увеселителей и все пытался понять, почему мы, славяне, так легко сдали врагам славянства главное – наше братство? Как смогли украинофилы вбить в умы дикую мысль об украинской национальности? Это же, как и русские, народность одной семьи. Причем, всегда самостоятельная. Еще с Алексея Михайловича малороссам давалась свобода сношения с внешними соседями и государствами, исключая поляков и турок.

В самом слове «малороссы» только упертый ум увидит нечто обидное для украинцев. Не украинцы малые, они не меньше любых других, а Украина – малая родина русского славянства. Малая родина – это самое дорогое для человека, любящего свое отечество. Малая, то есть та, где ты родился, мужал, любил, откуда уходил в мир. Мать городов, Киев, Крещатик – это навсегда для нас Малая Русь, давшая жизнь Руси Великой, крестившая и Белую Русь, это ли не самое почетное в семье славян? А уж для меня-то тем более: Киев – город моего небесного покровителя святого Владимира

В армии я служил с хлопцами из Украины. Были там и левобережные, и правобережные, западэнцы. Доть, Аргута, Коротун, Титюра, Балюра, Муха, Тарануха, Поцепух, Пинчук, Падалко, Гончар... Где вы, теперь уже седые,

друзья-однополчане? Что нам было делить и тогда, и что делить сейчас? Я как любил вас, так и люблю. Ну да, звали вы меня москалем, и что? Какая тут обида, вы и сами хохлы. Хоть и кацапом зовите, меня не убудет. Своя же семья. И кто сейчас обижается на всякие прозвища? Макаронники итальянцы, лягушатники французы? Смешно. Смешно же вам было, когда москали не могли правильно выговорить, по вашему мнению, слово «паляныця», тут вы чувствовали превосходство, но и это смешно.

Между тем радио на четырех языках: русском, шведском, английском, украинском пригласило делегации к возложению венков на могилу павших воинов. Идём. Нам раздали по две розы. Впереди всех, конечно, по праву, военные. Очередь медленная и огромная. Несём привезенный увесистый венок – дар Москвы. Но идти благоговейно не получается. По крайней мере у меня. Пристал спутник, непрерывно говорящий, киевский пишущий человек, шутник. Представился: Олесь. «Коротич – така дуже невеличка персона, а наделал диллов, да? А слышали шутку: «Вы нам Чернобыль, мы вам Коротича»?

Он сильно моложе меня, поэтому я особо с ним не церемонюсь:

- А тоби не будет выволочка за то, что с москалем размовляешь?

- Та ни, – радується он разговору. – Вся Україна за союз с Росією.

- Но есть же и заюленная, зающенковченая Украина.

- То запад заполяченый.

- Помнишь присказку советских времен, – говорю я, – «москаль на Украине, хохол на Сахалине»? Конечно, все её знали. Что же хохлы Сахалина, Сибири, центра России не возвращаются на незалежню, незаможню, самостийну? Потому что им и там лучше всех. Украинцы у нас везде и везде в начальстве. По Сибири, по нефтяным местам, может, только пока банки у евреев не отняли. Думаю, временно. Есть же пословица: «Где хохол прошел, там трём евреям делать нечего». Говорю с гордостью за украинцев. Нас-то евреи переевреили, телевизор посмотри – убедишься.

Спутник мой смеётся и вскоре его растворяет толпа.

Могила – высокий рукотворный курган рядом с церковью. На вершине большой гранитный Крест, водруженный в 1894 году при Александре 3-м и возобновленная им надпись, сделанная собственноручно Петром 1-м после захоронения убитых: «Воины благочестивые, за благочестие кровию венчавшиеся, лета от воплощения Бога-Слова 1709, июня 27 дня». 1345 человек погребено под крестом. Тогда же Петр особым указом выразил пожелание «в память сей преславной виктории» построить на поле битвы мужской Петро-Павловский монастырь с приделом в честь Сампсония Странноприимца. Почему Петро-Павловский? Потому что император хотел вступить в бой в день Петра и Павла, но обстоятельства вынудили начать битву на два дня раньше, в день святого Сампсония.

Но очень нескоро исполнились царские предначертания. Лишь в конце 19-го века был освящен храм на исторической земле. К юбилею усилиями православных Украины и при помощи посольства России в Киеве храм отремонтирован, виден отовсюду, прямо сияет, очень красиво сочетаются

белые стены и голубые наличники, зеленая крыша и центральный золотой купол.

Идём к нему. По расписанию торжеств сейчас Литургия. Служит несколько архиереев и несколько десятков священников.

– Церковь Московского Патриархата, – с гордостью говорит старуха в белом, обшитом по краям кружевами платочке. – Иди, брат, за мной. – Она тут своя. Проводит меня поближе к певчим, к амвону. Хоров два, оба необычайно молитвенные и слаженные.

Храм просторный, весь переполненный нарядными людьми. Центральный образ – Христос, раскрывший объятия, но ещё не на Кресте. У ног Его ангел, подающий Ему чашу. «Отче наш» и «Символ веры» гремят мощно и единоустно. Еще бы – запевалы такие голосистые, рослые дьяконы. Проповедь на украинском наречии вперемежку с русским.

– Через триста лет откликнулись души воинов, услышались нами их голоса.

Крестный ход. Колокола. Сквозь них слышится радио, дикторы читают приготовленный текст: «Прапори России, прапори Швеции та Украйны».

Нас направляют к так называемой «Ротонде примирения». Сказал я: «к так называемой» специально, ибо так её называют и так написано, к моему недоумению, в программе. А почему ротонда, почему не часовня? Вот и она. Да, часовней эту садовую беседку не назовешь. Ладно, хай будэ ротонда. Три опоры символизируют что? Нет, не Святую Троицу, а три государства: Россию, Украину, Швецию. Ударил гимн, вначале российский. Так по алфавиту. Украинскому гимну подпевали, но мало. «И покажем, шо мы браття козацького роду». Шведский гимн был без слов, но рядом стоящий высокий седой старик сорвал с головы шляпу (а до того был в ней) и во все горло запел. Значит, швед.

Всё-таки освящающий ротонду архиерей называет её часовней.

– Освяченна часовня полеглих воинов.

Ветер хозяйничает в микрофоне, шатает древки флагов и знамен, трещит полотнищами. На ротонде на трёх языках написано: «Время лечит раны». Лечит, да, но наносит новые, вот печаль.

– Шановна громада, – меж тем говорят ведущие, – ласкаво просимо!

Дают слово приехавшим гостям и хозяевам. Открывая, один из хозяев: «Пусть Полтавское поле будет полем туризма и на нём мы найдем новых друзей». Посол Швеции напомнил о величии Швеции и сказал интересную фразу, что благодаря Полтавской битве Швеция обрела теперешние границы и живет в мире с соседями и «с самой собой». Далее о сотрудничестве, инвестициях, далее о том, что «битва помогла шведам обрести историческую родину». Надо же. Я записал. И еще: «Нельзя допустить истории править балом». Может, эта молодая переводчица неточна? Кто ж тогда правит балом, как не история? Только вот кто ей подчинился, Карл 12-й или она Карлу? Петр-то был вынужден биться за Россию и сохранил её в истории, а Швеции что тут было делать? Зря им Петр шпаги вернул. Они снова здесь. И уже учат разврату, образцу шведских семей.

Это я сердито сказал товарищу по делегации. Он примирительно коснулся моего плеча:

– Не кипятись, надо быть политкорректным.

– Политкорректность – это трусость, – не уступал я. – Политкорректность приводит к тому, что политики запускают болезнь до того, что лечит её народ своей кровью.

Программа дня продвигалась далее. Представительница Украина сильно хвалила Мазепу. «Дал шанс Украине». О так от. Еще же ж у них и Петлюра, и Бандера, много героев. Они на портретах не стареют. Стабильность. Предательство нынешних властей опирается на предателей в истории.

Узнал, во сколько собираться перед обедом и пошел по полю. Сотни и сотни автобусов, тысячи и тысячи машин. Обилие флагов, пестрота эмблем на них: и солнце с человеческим лицом, и трезубцы. Нарядные люди отовсюду. Нет, есть, есть сегодня ощущение праздника, единения славян, есть. Был свидетелем встречи двух отрядов казачества. Шли они друг другу. Одни шли к ротонде, другие от нее. И первые грянули: «Любо, терцы!» И вторые в ответ еще громче: «Любо, донцы!» Вот это любо так любо. А ведь были в истории казачества такие раздраи, непримиримость такая, что и вспоминать не хочется. И не надо. Забыть их и жить дальше.

Две дивчиноньки, пичужки такие, торгуют под полотняным навесом водой, пивом и мороженым. Зовут:

– Диду, ходи до нас! Диду, вы с Москвы? Так в вас же кризис. Визьмить, – протягивают мороженое, – то бескоштовно. И русские рубли берем. По курсу.

А долларив нема?

– Та вин же ще не диду, – говорит другая, – вин ще дядько.

Обе такие веселые, молодехонькие хохотушки. Говорю:

– Все-таки Мазепа предатель. Это не мое мнение, это историческая правда. А вы как розумиете?

– Та нам-то шо, – отвечают они и хохочут.

Тут налетел такой порыв ветра, что повалил навес, девчаткам стало не до меня. Помог им и стал возвращаться к церкви. Навстречу большая группа молодежи. Несут соломенное высокое чучело. На его желтой груди плакат «Мазепа – Иуда». К нему привешен картонный кружок с надписью «30 гривен». К молодежи подскакивает милиция, требует уйти. «Гэть видсиля!». Насильно заворачивают. Милиции помогают подскочившие парубки в национальных кафтанах. Начинается даже драка, но уже зажигалками подпалили снизу чучело. Солома трещит, пылает, и вскоре дымится.

У меня звенит колокольчик мобильного. «Ты где?» – «Где я могу быть? На поле» – «Тут везде поле. Где именно?». – Я оглянулся – недалеко остановка автобусов. «Я у зупинки». – «Какой?» – «Сейчас прочту. «Институт свинарства». – «Выдумал?». – «Иди и сам смотри». – «Скоро обед».

Меня останавливает старик моих лет, украинец в рубашке-вышиванке. Я почему-то радостно подумал: не сослуживец ли? Пожал протянутую руку:

– Вы в 60-м, 63-м не служили в ракетной артиллерии в Подмосковье, в Кубинке?

– Там не. – И весело говорит, видимо, уже не раз прозвучавшую от него шутку: – Служил в засадном полку украинского вийска в Полтавской битве. Було його не треба, отсиделся. Вы туточки впервой? Показать вам памятник хороший полковнику Келину?

– Конечно!

Мы идем и вскоре стоим у памятника герою. Келин удерживал крепость Полтавы против шведов, когда превосходство их в численности было в несколько раз против русских.

– Эй, Полтава! – раздаётся крик из толпы на площадке среди зелени. – Эй, Полтава! Посвистим, покричим, покрываем! Диджей, вдарь!

На земле расстелен огромный лист линолеума. На него поочередно выскакивают хлопцы в широченных штанах, майках с иностранными надписями, ловко, под музыку, пляшут, крутятся, скачут. Вдруг начинают выделять невообразимое: вращаются на животе, на спине, на голове даже. Руки летают как пропеллер, ну, орлы! Загляделся и потерял провожатого. Да уже и пора к своим. Обедать, на конференцию, и на аэродром. Лететь до дому, до хаты. Ещё замечаю на парковой скамье крупные буквы: «Тут была группа «Ниочем». Тепа и Максим». Хотелось и просто походить по улицам и в магазины зайти, но время поджимало. Только вывески и достались. «Женочи та чоловичи чохи та панчохи. Одяг». То есть женская и мужская одежда. Плакат против «кишковых захворюваний».

Обед замечательный, украинский. Борщ, сало, пампушки, галушки. Так и вспоминается гоголевский Пацюк и песенный казак Грицько, который «любил соби дивчину и с сиром пироги», потом, когда надо было сделать выбор, то заплакал и сказал: «Вы, кляты вороги, визмить соби дивчину, виддайте пироги». То есть дороже дивчины они оказались для Грицько.

А по дороге на конференцию опять утренний спутник. Олесь хочет знать причины нашей теперешней размолвки.

– Знаешь, кто вас сделал несчастными? Подожди, не возражай. Конечно, несчастные, как это – славяне и вдруг бежать из семьи славян? А дуракам бросать листовки: «Москаль зьил твоє сало, москаль истопил твой уголь». Шушкевичи, Кравчуки, Ющенко, они – слабовольные жертвы, главная вина на католиках и протестантах. Да еще Тарас Шевченко. Его искалечили поляки и пьянство. Попал в Польшу совсем молоденьким за два года до польского восстания 1831-го года. Вся Варшава была пропитана ненавистью к Москве, заразился. Какой ужас в «Кобзаре», сколько ненависти к царю, Богу, России. Церковь православная как прыщ, это что? Призыв девственниц к блуду, издевательство над всем святым, призывает «явленними» иконами «пич топити», церковные одеяния «на онучи драти», от кадил «люльки закуряти», кропилами «хату вымитати», это что? Сколько пошлости и сальности в его виршах. Олесь, «погани мы москали» по его слову, или братья по крови Христовой?

– Розумію, шо мы всегда будемо рукопожатными.

– Еще бы. Куда вы без нас? НАТО вас защитит? Или Москва? Давай ще пидемо зараз до поля. – Я даже неожиданно для себя постоянно вворачивал в свои слова украинизмы. – Ты же знаешь историю. Почему же у вас такие политики? Сказали на Переяславской Раде: «Волим под царя Московского», что еще? Народ волил! А политики? Умер Богдан, тут Выговский, волит противу Москвы. Пришел Юрий, сын Богдана, волит под Москву. Деление на право и левобережные Украины. И опять политики мутят воды дружбы: и правобережный Дорошенко и левобережный Брюховецкий отдаются султану, волят под него. Когда хоть вы, бедные, вздохнете? Мало вам, что президент выписывает за народные деньги певца-педераста и ставит с собою на трибуну над Крещатиком? Или и этим чаша не полна? Или этим развратником в виде Сердючки. Дикость же! Это «сестра» наших пошлых «бабенок» из «Аншлага». То так?

– Но Тарасе? – растерянно спросил Олесь.

– Убрали бы его памятник из Москвы, я бы недолго переживал. Многие ли заметили, что ельцинисты стреляли из танков по Верховному совету именно от гостиницы «Украина», от памятника Шевченко? А на его бы месте поставить памятник дружбы народов наших.

– Какой?

– Сделать опрос мнений. Там берег Москвы-реки. Я бы предложил так: «Нэсе Галя воду, коромысло гнэцця, а за ней Иванко як барвинок вьещца», а? О, как я помню украинку Галинку. Мы в армии ехали, в Шахтах стояли, разрешили выйти на десять минут. Десять минут, а память на всю жизнь. Галя. Вынесла с бабушкой на станцию вишни. Боже мий, яка ж хороша та Галя была. Потом так вспоминал! «Ты така хороша, дай хоч подывицца!» У меня брат после института в Шахтах работал, всё к нему хотел поехать, но уже женатый был. Да, Галя. Узнал, что Галя, ей бабка говорит: «Галю, швидче накладай». Они вишню в бумажных кульках продавали. Тут парни из вагонов подвалили, на неё обрушились с комплиментами, но я-то знал, что она меня заметила. Да, так вот, Олесь. Меня жгло, взглянуть боялся. И она застеснялась.

Вскоре началась и конференция. Для начала наградили нашего посла, видимо за вложенные в подготовку юбилея русские деньги. Потом пошли речи. Конечно, наши первенствовали, украинцы осторожничали. Как осуждать? Мы улетим, а им тут жить. Испытанные бойцы Валерий Ганичев, Сергей Глазьев, Александр Крутов, Леонид Ивашов говорили ясно, четко, доказательно. Выступления их, при желании, легко найти в Интернете. Смысл: нам не жить друг без друга. И дело не в газовой проблеме, дело в братстве.

Мы крепко запаздывали к самолету. Но так как он шёл не по расписанию, был чартерный, то есть купленный, то летчики и не сердились. На аэродроме даже дали двадцать минут на отдых. Я этим воспользовался и отошел подальше от аэродромных огней. Хотя и лето, а уже смеркалось, и луна без опоздания выходила обозревать свои владения. Еще немного сохранилось в Полтаве тех мазанок, которые освещала вот эта же луна, что и

сейчас, и трепетали все те же «сребристых тополей листы». То есть не те, такие же. «Тиха украинская ночь, прозрачно небо, звезды блещут, своей дремоты превозмочь не в силах воздух, чуть трепещут сребристых тополей листы...» и так далее до «Ликует Петр и горд, и ясен». Тут его выносил в центр истории «ретив и смирен верный конь». Тут «Карла приводил желанный бой в недоуменье». Отсюда утаскивали носилки с ним в безславии, отсюда бежал предатель Мазепа. Здесь сошла с ума соблазненная им крестница Мария, дочь оклеветанного Мазепой полковника Кочубея. Тут скакал всадник, в шапку которого был зашит «донос на Гетмана злодея царю Петру от Кочубея».

И вот – граница меж нами, какая дикость! А как отец мой пел украинские песни. И как мы браво топали в армии под «Маруся, раз, два, три, калина, кудрявая дивчина в саду ягоду рвала». А эта, известная во всех краях: «Было дело под Полтавой, дело славное, друзья». И уж что говорить о пословице, употреблявшейся повсеместно, как знак поражения: «Погиб, как швед под Полтавой».

И что? И опять гибнем, как шведы под Полтавой? А? Да, ничего. Славянская семья все равно останется семьей. Мы, славянские народы – все равно братья. Ну, а как же политики? А политики тогда заслужат благодарную память в потомстве, когда будут слушать народ.

2009 г. Владимир Крупин